

RU

Образ ветра (Çил) в чувашской национальной картине мира и в художественной прозе

Яковлева О. Н., Мышкина А. Ф.

Аннотация. Цель исследования - изучить художественное значение мистического мировоззрения через анализ образа определенного явления - стихии Воздуха (Çил) - в произведении. В работе проведено комплексное исследование мистико-религиозного, художественного трактования образа Ветра в произведении мистико-философского стиля. Особое внимание уделено традиционным обычаям и обрядам чувашского народа. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в чувашском литературоведении выявлена связь антропоморфного образа Ветра в фольклоре и художественном творчестве, уточнены особенности персонификации данного персонажа в литературе. С этой целью были проанализированы различные тексты магических ритуалов и заговоров, используемых для умилостивления стихии Воздуха. Полученные результаты показали, что в чувашском литературном творчестве фольклорный образ Ветра является первоосновой для художественных персонажей, а мистико-философский стиль литературы становится авторской трактовкой народного верования.

EN

Image of the Wind (Çil) in the Chuvash National Worldview and Literary Prose

Yakovleva O. N., Myshkina A. F.

Abstract. The research aims to study the literary meaning of the mystical worldview by analysing the image of a certain phenomenon - the Air element (Çil) in a literary work. The paper carried out a comprehensive study of a mystical-religious, literary interpretation of the image of the Wind in the work of a mystical-philosophical style. Special attention is paid to the traditional customs and rituals of the Chuvash people. The research is novel in that it is the first in Chuvash literary studies to identify the connection between the anthropomorphic image of the Wind in folklore and literary fiction, to clarify features peculiar to the personification of this character in literature. For this purpose, various texts of magical rituals and incantations used to propitiate the Air element were analysed. The research findings have shown that the folklore image of the Wind is the primary basis for characters in Chuvash literary works, and the mystical-philosophical style of literature becomes the author's interpretation of folk belief.

Введение

Актуальность темы обусловлена новым подходом в исследовании малоизученных текстов фольклора (сказок, легенд), связанных с верой, традицией и обычаями народа, и их влияния на художественное сознание отдельного автора. В данной работе подобная связь усматривается в представлении о мистических персонажах, а именно об образе ветра *Каçхи сывлăш* (вечерний/ночной воздух), в русских и чувашских мифологических рассказах и его художественном воплощении в литературе.

С учетом этого поставлена и соответствующая задача – изучить особенности формирования образа ветра в фольклоре чувашского народа и его эстетического значения в художественном творчестве. Методом исследования выступает сравнительно-сопоставительный подход в рассмотрении произведений чувашских писателей и материалов фольклора.

Теоретической базой исследования послужили труды русских и чувашских ученых А. Н. Афанасьева (1994), Н. И. Ашмарина (2000), Н. В. Никольского (2004), М. Р. Федотова (1996) в области фольклора и языка.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования ее результатов при изучении учебной дисциплины «Чувашское устное народное творчество», а также для дальнейших исследований культурных ценностей в религиозно-мифологических верованиях как чувашского, так и других народов.

Основная часть

В соответствии с мифологическим мировоззрением древний человек всегда жил в гармонии с природой. По народным представлениям, весь окружающий мир наполнен духами – добрыми и злыми. Жизнь и благополучие человека были непосредственно связаны с ними и зависели от них. Потому и людям приходилось вступать в постоянный контакт, а также выстраивать определенные отношения с добрыми и злыми духами.

Ветер в народных верованиях занимает промежуточное положение, его могущество представляется как разрушительная (наравне с бурей, метелью) сила. И, как следствие, он персонафицируется, наделяется антропоморфными чертами. Известный исследователь А. Н. Афанасьев (1994) в своей книге «Поэтические воззрения славян на природу», к примеру, подчеркивает: «Ветры олицетворялись и как существа самобытные; фантазия древнего человека представляла их дующими – выпускающими из своих открытых ртов вихри, вьюги и метели. Средневековое искусство воспользовалось этим языческим представлением и постоянно изображало ветры в виде дующей человеческой головы» (с. 310). В славянской мифологии владыка воздушного пространства – Стрибог, который находился меж землей и небесами, меж обителью людей и обителью богов. Воздух на Руси рассматривался как вместилище семи ветров, семидесяти вихрей и семисот ветровицей. Ветер обычно представляли в образе седовласого старика, обитающего на краю света, в глухом лесу или на острове посередине моря, океана и т.д. (Петровская, 1999).

По религиозным представлениям чувашского народа, одним из четырех почитаемых высших божественных сил на земле и самым устрашающим является стихия Воздуха *Сывлăш* (*Сил, пĕлĕт*) (воздух, ветер, облака): «*Чăваш халăхĕ Аслă хăват ырайне хисеплекен тăватăй вăйран пĕри – Сывлăш (Сил, Пĕлĕт). Пĕтĕмĕшле ку хăват Сил сăнарĕпе палăрса юнă. Сил турри палă турăсен ретĕнче тăрат*» (Никольский, 2004, с. 95). / «Одна из четырех почитаемых чувашским народом Божественных сил – Воздух (Ветер, Облако). В основном эта сила запечатлелась в образе Ветра. Бог Ветра стоит в одном ряду с известными богами» (здесь и далее, кроме особо оговоренных мест, перевод наш. – О. Я., А. М.). В «Этимологическом словаре чувашского языка» указывается, что мифологические персонажи семейства *Сил* (Ветер) – *Сил амăш* (Мать ветра), *Сил ачи* (Дитя ветра), *Сил ашиĕ* (Отец ветра) – входят в название божества второго разряда: «*Сил турри пĕлĕтĕн сўлти сичĕмĕш сийĕнче сўрет, унăн пысăк йышĕ, ачи-пăчи сăрт-ту леш енче турăнать*» (Федотов, 1996, с. 116). / «Бог ветра обитает в небе на седьмом ярусе, а его большое семейство живет за горами». В работах выдающегося тюрколога Н. И. Ашмарина также есть разъяснения происхождения ветра: «*Сил тохакан сăвар пор, тет, сав сăвар конче (=кутĕнче) карчăк сыхласа ларать, тет, вăхчи-вăхчине сав карчăк сил сăвар пăккине уçса пăхать тет те, хош чухне тухăмрах питĕрсе лартать, тет, тепĕр чухне сил пит вирлĕ пырса савăннипе нумайччин питреймесĕр тăрат тет. Сапла карчăк сил сăварне питĕреймен чохне сĕр синче сил вăйлă пулат, тет*» (Ашмарин, 2000, с. 147). / «Говорят, что существует такой рот – рот ветра, сторожем которого является старуха, время от времени она вытаскивает пробку изо рта и сразу же закрывает, но бывает и такое, что подолгу не может закрыть эту пробку из-за мгновенно вырывающегося вихря. И когда старуха не может закрыть рот ветра, на земле возникают сильные бури и ураганы».

Ветер в народных поверьях – это озорной, драчливый, иногда буйный персонаж. В чувашской картине мира у Бога Ветра есть жена – *Сил амăшĕ* и трое сыновей – *Сил ачисем*, которые никогда не сидят без дела: старший выворачивает столетние дубы в лесу, средний снимает крыши с овинов, ломает крылья ветряных мельниц, а младший – шаловливый, исподтишка рассеивает муку из мешка, раскидывает зерна по полю (Чăваш юмахĕсем, 1982). «*Сурçĕр енчен сивĕ сил ачисем алхасса килчĕс*» (Максимов, 2009, с. 176). / «С северной стороны появились шаловливые дети ветра». Все это позволяет утверждать о том, что, по религиозно-мифологическим представлениям чувашей, персонафицированное семейство ветра – *Сил амăшĕ* (Мать ветра), *Сил ашиĕ* (Отец ветра), *Сил ачисем* (дети ветра) – не только является особо опасным для здоровья человека, но и наносит колоссальный урон хозяйству земледельца.

С появлением веры в сверхъестественные силы предметов и явлений природы – с появлением религии – возникло желание людей как-то воздействовать на эти силы, чтобы умиловить добрых и отогнать от себя злых духов. Это желание привело к появлению определенных обрядов: «*Ĕлĕк-авал усал сумаĕр килес тăвас пулсан, тырра пула пăр сĕмĕрсе ан кайтăр тесе, унашкал таса хĕре таса сипуç, пуса кĕпи тăхăнтарса, сăкăр-тăвар йăттарса, таса уя сав пĕлĕтсене хирĕç кĕлтума кăларатчĕс*» (Артемьев, 1991, с. 229). / «В давние времена, чтобы спасти урожай от ураганных ветров с дождем, девушку, переодетую в белое одеяние, с хлебом солью в руках отправляли в чистое поле для моления». Магические обряды несколько отличаются от традиционных своими тайными знаниями, которые заключаются в заговорах и определенных ритуалах. В чувашской народной традиции обращение к ветру использовалось не только в связи с хозяйственными и промысловыми нуждами, но и в случае несчастья и болезней. Так, чуваш, не чувствуя себя хозяином судьбы, обращается к заговорам и магическим обрядам для разрешения своих проблем. Заговоры наполнены обращениями к ветру с просьбой о помощи, как к существу живому и способному выручить в беде. Подобная интерпретация Ветра наблюдается и в художественном творчестве. В частности, в романе чувашской писательницы Нелли Петровской (2012) «Тухатмăш» («Колдунья»): «*Сĕрлехи сывлăшран хайне лайăх упăшка тупса пама ыйтма вĕрентрĕ: “Ара таса шывна сăкăр татки ил те сурçĕр тĕлĕнче аякран тух. Вара шывне тухăçалла сапнă май хăвна валли лайăх упăшка пама ыйт. Сапла хĕрĕх те пĕр кун туса пырсан, чăнах та, сав тери лайăх упăшка*

тупса парать. Ав хамър ял вѣсѣнчи Вера та сапла туса Ивана качча кайрѣ вѣт» (с. 305). / «Научила выпрашивать у Ночного духа (Ветра) хорошего мужа: “Возьми кусочек хлеба и чистую воду, выйди в полночь за дверь. Расплескивая воду на восточную сторону, попроси найти достойного мужа. Вот и Вера, живущая на окраине нашего села, благодаря этому вышла ведь все-таки замуж за Ивана”».

Как видим, в чувашской картине мира порыв ночного воздуха (ветра) *Сѣрлехи сывлăш* дарит то, что у него просят, главное – верить в силу обряда, не сомневаться в эффективности магии. Просить нужно с чистым сердцем и добрыми намерениями, соблюдая правила действия *хѣрѣх те пѣр кун* (сорок и один день), в основном в темное время суток *сурсѣр тѣлѣнче* (в полночь). В то же время, по поверьям чувашского народа, следует обязательно благодарить за исполненное желание, чтобы и в дальнейшем благополучие не покидало семью: «Тулѣк вăл сѣрлехи сывлăша хайне пулăшнишĕн тав туман та халь ача суратаймăсър кулянса пурăнать» (Петровская, 2012, с. 305). / «Только не отблагодарила она Ночного духа (Ветра) за исполненную просьбу и теперь детей не может иметь».

Особенностью чувашского языческого обряда является традиция умилоствления как добрых, так и злых духов. Жертвы приносились домашними животными, кашей, хлебом и т.п. Например, в качестве жертвоприношения Ветру выступали пиво, каша и гусь (Никольский, 2004): «*Силе така парассѣ, сил амăшне путек парассѣ. Сана сума̄р паракан сил амăшне хурпала чўклетпѣр: чўк сырлах, ан пăрах, есѣ пире хĕн ан пар, силле пѣрле тѣрлѣ усал чир таврашне илсе килсе вѣлерсе ан пѣтер, сана епир хурпа чўклетпѣр. Акă сана хур сунатне паратпăр. Ку хур суначĕпе ху чир-чăрна аяккалла илсе кай... Усал сил-тавăлсенчен, тискер пăрлă сăмăрсенчен витсе, сыхласа тăр*» (Ашмарин, 2000, с. 148-149). / «Ветру приносят в жертву барана, для Матери Ветра – ягненка. А тебе, Матери Ветра, приносящей дождь, жертвуем гуся: помилуй нас, не бросай, не насылай на нас нужду и болезнь страшную, спаси от беды и ненастья. Вот тебе крыло гуся. Забери все свои болезни этим гусиными крылом... Огради нас от злых бурь и ветров, ураганов и града».

Для защиты дома от злых чар, наведенного колдунами негатива, буйных сил природы и т.д. на крыше каждого дома был прикреплен свой оберег и магический предмет: «...*сўллѣ суртсем тăррине тимѣр лаша, автан, хѣвел паллисем лартса хăварма, сурт сăмкисене тимѣр шйчă яма тăрăшнă*» (Чăваш халăх пултарулăхĕ..., 2004, с. 95). / «...старались украшать крыши высоких домов разными оберегами в форме коня, петуха, солнца, а на фронтоне закрепляли железный шест».

Чувашский исследователь Н. В. Никольский (2004) отмечает, что по просьбе чуваш ветер ниспосылает земле благотворные дуновения. Возникновение теплого ветра чуваша приписывают дуновению ангелов: «Теплый ветерок ласково и осторожно, как осторожно глядят по головкам маленьких детей, тронул вершины деревьев» (Фомин, 1987, с. 153). Ветер антропоморфен, от усталости может себе позволить отдохнуть: «*Тақта вѣтлѣхре е шыв хѣрринче чечек сурнă сѣмѣрт туратĕнчен уртăнса канать пулас вăл*» (Петровская, 1999, с. 8). / «Он, наверное, отдыхает где-то там за зарослями или за рекой, повиснув на ветке распутившейся черемухи».

Существует немало легенд, где ветер персонифицируется и ему поклоняются, что объясняется этнокультурными особенностями мировидения и мировосприятия народа. Эти тексты в основном фиксируются в фольклоре, однако в интерпретации отдельных авторов их можно обнаружить и в художественной литературе. К примеру, подобный типаж описан в романе Н. Петровской (2012) «Колдунья» в образе *Каçхи сывлăш* (Ночной дух, воздух): «*Тѣлѣнмелле сарлака хура плац пѣркĕннĕ арçын тăрать. Пичĕ те, алли ури те курăнмасть, хай вара чутах пĕлĕте перĕнмест... Пуш хир тăрăх сил-тавăл кăларса саврăнса сўрет*» (с. 303). / «Стоит странный мужчина, облаченный в широкий черный плащ. Ростом почти до небес, не видно лица и рук... И носится кругами по полю, крутя песчаные вихри». Другой персонаж – *Кăнтăрлахи сывлăш* (Полуденница), жена Ночного воздуха – дух нестерпимого солнечного жара и палящего зноя. В славянской мифологии ее представляют так: «Очи у Полуденницы синие, как васильки, косы желтые, точно зрелые хлеба, щеки алые, словно маков цвет, груди пышные да белые, что лебяжий пух, а голос звонкий-презвонкий. Идет она, будто пляшет, по воздуху плывет, заманивает, то слева, то справа покажется, голову вскружит так, что сознание потеряешь» (<https://skoviaktualno.livejournal.com/1011163.html>). Место ее активации – открытое поле, пустыня, когда солнце стоит высоко, то есть в полдень. Образ Полуденницы есть и в романе Н. Петровской (2012), по описанию схожий с образом миража: «*Вăл сак хире килекен сынсен куçсене темĕн тѣрлѣ ултавлă сăнарсем кăтартса асаплантарать. Шывсăр тинĕ сынсен куçсем умне юхан шывсем, кўлĕсем, тинĕс, кĕрлесе юхакан шыв сиккисем те кăларса улталать. Выçăпа аптранисем умне юриех тем тери ёсмелли-симелли пырса лартса аяккалла чĕнет. Вара лешсем ун ултавĕ хыçсăн утса юлашки вай-халне те сұхатаçсĕ, асапланаçсĕ*» (с. 304). / «Путники, очутившиеся в пустыне, устремляясь за призрачными видениями Полуденницы, мучаются, теряя последние силы. Сгорающему от жажды путнику мерещатся река, гладь озера, море, даже шум водопада. Измученному от голода человеку она подносит огромное количество (изобилие) еды и обманным путем уводит прочь. И те, кто идет за миражами, продолжая свой путь, теряют последние силы».

Таким образом, можно утверждать, что в ментальной картине русского и чувашского народов встреча человека с антропоморфическими образами Черный монах и *Каçхи сывлăш* (Ночной воздух), *Кăнтăрлахи сывлăш* (Полуденница) не сулят ничего хорошего. Они, с одной стороны, вроде и кажутся добрыми, но, с другой стороны, являются предвестниками беды и смерти. Ночь и полдень способствуют философскому осмыслению целостности картины мира и освоению мира через «полуденные», «вечерние» и «ночные» культурные формы мифа, мистики, религии и верований. И, по мнению чувашских литературоведов (Якимова (Афанасьева), Чекушкина, Софронова, 2017), здесь особенную актуальность приобретает проблема сохранения традиционных духовных ценностей.

Воздушная стихия, наряду с добрыми духами, вмещает и духов недобрых, способных причинять людям лихо через туманы и вихри. К примеру, причины возникновения *çавра çил* (вихрь), *çил тăман* (метель) связывали с действием демонического существа *шуйттан* (черт). По поверью чувашского народа, *çавра çил* бывает оттого, что нечистые духи в крутящемся вихре празднуют свадьбу ведьмы с чертом: «*Çавра çилте шуйттансем вайăç каласа ташласа пырасçĕ, тет*» (Ашмарин, 2000, с. 16). / «Черти пошли в пляс в вихре». «*ÇÛлтен çăваканни çĕр сийĕн вĕстерекеннипе пĕрлеше тем пысăкăш юпа нек çаврăнса ташласа тăрать те хирелле вĕсе каять, вара вăрман çумĕнчи тарăн çырман чăмать. Çавăнтах ун вырăнне тепри сураларчĕ*» (Петровская, 2012, с. 30). / «Снег, падающий сверху, сливаясь с нижней поземкой, превращается в огромный снежный столб, кружится, как бы пританцовывая на месте и стремглав уносится в поле, исчезает в глубоком овраге за лесом. И тут же вместо него зарождается новый».

Образ стихии ветра *çавра çил* (вихрь) у чувашского народа связан со смертельной опасностью. Ветер может унести человека в потоке вихря, в особенности девочек семи лет, в определенное время – *кăнтăрла кил картинчен* (в полдень со двора), также может возвращать обратно по истечении срока, через одиннадцать лет, к совершеннолетию с подарком: «*Мана ёлĕк сичĕ сÛлта чухне çавра çил илсе кайрĕ, халĕ ёнтĕ леще хăварчĕ*» (Чăваш халăх пултарулахĕ..., 2004, с. 98). / «Меня в семилетнем возрасте унес вихрь, теперь вот вернул обратно». Поэтому и существует поверье, что в середине вихря находится девушка и на нее можно смотреть только через *хăвâl турат куçĕ витĕр* (глазок прутика) и то с осторожностью, если кто коснется вихря, он вскоре умрет: «*Çавра çил тĕлне пулсассăн, çын хирĕç вăрăнса вилет*» (Чăваш халăх пултарулахĕ..., 2004, с. 98). / «Человек, очутившись рядом с вихрем, падает за смертью». Или же может остаться *куçсăр-чĕлхесĕр* (слепым и немым). У чувашского народа, как мы и говорили ранее, сложились устойчивые представления и понимание зла, которое для него является не абстрактной категорией, а вполне материализованной, воплощенной (Мышкина, Яковлева, 2015; Яковлева, 2014). Именно поэтому в чувашской мифологии к возникновению смерча, вьюги причастны злые демонические силы в образах: а) ночного ветра *каçхи сывлăш*, блуждающего в поисках жены; б) нечистой силы *усалсем* (нечисть) (Никольский, 2004, с. 329). Более того, по поверьям чувашского народа, Ветром управляли колдуны (*тухатмăш*, *йумăç*) и самоубийцы, погребенные за кладбищем, около оврага.

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет говорить о том, что в чувашской мистико-мифологической картине мира существуют такие антропоморфные образы, как *Каçхи сывлăш* (ночной воздух, Ветер), *Кăнтăрлахи сывлăш* (дневной воздух, Полуденница). Они представляются в качестве вечно ищущих друг друга персонажей – мужа и жены. Специфика же художественных образов такова, что в привычном пространстве внезапно появляется самое неизвестное загадочное место, в котором действуют какие-то странные законы, и предназначены они только одинокому человеку или путнику, находящемуся в чужом месте. Это может быть и широкое поле, где нет ни человеческого жилья, ни живой души; и середина ночи или вечерняя заря; и речка или пруд; овраг или кладбище; мельница или перекресток дорог. Причем такое пространство имеет четкие границы. Это необычное и труднообъяснимое явление приписывается сверхъестественной силе – *Усал* (Дьявол). Все эти обстоятельства позволяют говорить о тесной связи мистико-философской прозы как с различными жанрами фольклора, так и с религиозными представлениями народа.

Перспективы исследования. Полученные результаты составляют основу для монографического исследования поэтики чувашской мистико-философской прозы, а также они могут быть базой для определения жанровых признаков мистико-религиозной литературы.

Источники | References

1. Артемьев А. Салампи. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1991.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т. 1.
3. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17-ти т. Чебоксары, 2000. Т. XI-XII. С - Ç.
4. Максимов Г. А. Сĕрĕллĕ хура кушак: повессем, калавсем. Шупашкар, 2009.
5. Мышкина А. Ф., Яковлева О. Н. О некоторых фольклорно-мифологических и религиозно-мистических особенностях сознания чувашского народа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12. Ч. 3.
6. Никольский Н. В. Собрание сочинений: в 2-х т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. Т. I. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа.
7. Петровская Н. А. Тухатмăш: роман. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2012.
8. Петровская Н. А. Хура ангел: роман. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1999.
9. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуманитарных наук, 1996. Т. II.
10. Фомин С. Ф. Воскресение Орфея. Рассказы и повести / пер. с чуваш. И. Митта. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987.
11. Чăваш халăх пултарулахĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем / йĕркелекенĕ тата аслăлах редакторĕ В. П. Станьял; пухса хатĕрленĕ Е. С. Сидорова; ум сăмахне сыраканĕсем А. А. Трофимов, В. П. Станьял. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2004.
12. Чăваш юмахĕсем / пухса хатĕрленĕ Г. Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1982.

13. Якимова (Афанасьева) Е. Р., Чекушкина Е. П., Софронова И. В. Парадигма традиционных ценностей в современной чувашской литературе (на примере творчества Н. Ильиной) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-2.
14. Яковлева О. Н. Особенности изображения магических обрядов в произведениях чувашских писателей // Ашма-ринские чтения: сб. материалов IX Междунар. научн.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014.

Информация об авторах | Author information

RU**Яковлева Ольга Николаевна¹****Мышкина Альбина Федоровна²**, д. филол. н., доц.^{1,2} Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары**EN****Yakovleva Olga Nikolaevna¹****Myshkina Albina Fedorovna²**, Dr^{1,2} Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary¹ yak-ol-nik@yandex.ru, ² alb-myshkina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.09.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): фольклор; мистика; легенды; ветер; обряд; folklore; mysticism; legends; wind; ritual.